

А.З. Бейсенов

ПАМЯТНИКИ РАННЕГО ЭТАПА ТАСМОЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Самые яркие черты Тасмолинской культуры проступают на раннем этапе, который датируется VIII–VI вв. до н.э. Особой категорией источников являются поселения. Жилые и хозяйственные сооружения небольших по своей площади поселений имели мощные каменные основания и устраивались на малоснежных южных, восточных склонах возвышенностей. Эти поселения, удивительно похожие на казахские зимовки, являются археологическим доказательством реакции населения начального этапа раннего железного века на изменившиеся природно-климатические условия Центрального Казахстана. Они показывают наступление более холодного климата, увеличение осадков, что особенно играло роль в зимний период. Небольшим поселениям соответствует малая величина могильников, когда в группе насчитывается от 2–3 до 5–10 насыпей. Это отражает расплывчатую, дисперсную систему хозяйствования, чему соответствовала малая община как основная таксономическая единица. В качестве ранее не изученных элементов отмечается наличие грунтовых блоков в насыпи, распространение дромосных могил, вертикальных каменей-стел, каменных изваяний. Интересен обычай посмертной трепанации черепов, что было выявлено у 13 индивидов, в основном у мужчин. Тасмолинская культура сложилась на территории Центрального Казахстана в ходе адаптации населения к изменившимся экологическим условиям. Она наиболее тесно была связана с сакскими сообществами Северного, Восточного, Юго-Восточного Казахстана (Жетысу), Восточного Приаралья.

Ключевые слова: Тасмолинская культура; поселение; могильник; дромосные могилы; каменные изваяния.

Население Тасмолинской культуры Центрального Казахстана [1, 2] составляло ядро большой тасмолинской историко-культурной общности, охватывавшей, помимо данного региона, степи Северного Казахстана и Южного Зауралья [3, 4]. В ходе исследований памятников Центрального Казахстана на современном этапе получен значительный объем новых данных, позволяющих существенно расширить наши представления о культуре населения региона в эпоху раннего железа. Источниковедческие данные, полученные в курганах могильников Талды-2, Нуркен-2, Бақыбулак, Карашоқы, Шерубай и ряда других, в настоящее время позволяют более явственно представить направления культурных связей. Новые археологические материалы показывают, что Центральный Казахстан находился в тесных этнокультурных связях с районами Восточного Казахстана, всего Саяно-Алтая, Жетысу, Восточного Приаралья, Южного Урала. Особенно рельефно эти связи сейчас выступают в отношении восточного ареала, в направлении Саяно-Алтая [5, 6]. Анализ палеоантропологических материалов, накопленных со времен работ М.К. Кадырбаева, дополняют те или иные аспекты археологических разработок [7].

Центральный Казахстан, который входит в обширную провинцию Казахского мелкосопочника, представляет собой страну бесчисленных каменистых холмов и низких гор, перемежающихся большими по площади степными равнинами. Небольшие степные речки и ручьи берут свое начало с возвышенностей. Островные системы низких гор (островные низкогорья) с абсолютной отметкой 1000–1500 м от уровня моря часто образуют небольшие оазисы, здесь в горных ущельях на камнях растут сосновые лески, вдоль речек протянуты полосы березовой и тополиной рощи. Таковыми являются издревле хорошо обжитые гористые оазисы Каркаралы, Улытау, Баянаул, Кызыларай и др.

Наибольшие концентрации памятников Тасмолы, прежде всего раннего ее этапа (VIII – середина VI в. до н.э.), наблюдаются именно в районах указанных островных низкогорий. В этом плане особо перспективным оказался Каркаралинский горно-долинный оазис. Наиболее яркие памятники Тасмолы, которые и в количественном отношении явно преобладают, характерны для ее раннего этапа. Памятники позднего этапа Тасмолы (вторая половина – конец VI – V вв. до н.э.) немногочисленны, для изучения многих сторон особенностей этого периода отсутствует тот объем источников, который мы имеем по раннему этапу.

Если исходить из имеющихся материалов, по раннему этапу Тасмолы известны поселения, многочисленные курганные захоронения, каменные изваяния, выявлен ряд таких ранее неизвестных деталей в устройстве погребальных сооружений, как дромосы, камни-стелы. Какие-то стороны (черты) культурных традиций раннего этапа, вероятно, будут «перетекать» на поздний этап. Так это или нет, покажут предстоящие разработки. Сейчас как по археологическим материалам, так и по многочисленным радиоуглеродным данным (около 30 дат по Тасмолу), мы более «предметно» можем говорить об особенностях раннего этапа Тасмолы.

Поселенческие объекты [8] представляют собой совершенно новую категорию источников. Жилые и хозяйственные сооружения небольших по своей площади поселений имели мощные каменные основания и устраивались на малоснежных южных, восточных склонах возвышенностей. Эти поселения, удивительно похожие на казахские зимовки, являются археологическим доказательством реакции населения начального этапа раннего железного века на изменившиеся природно-климатические условия Центрального Казахстана. Они показывают наступление более холодного климата, увеличение осадков, что особенно играло роль в зимний период. Наряду с такими особенностями

ми, как топография поселений [7. С. 9; 8], планировка жилищ, строительные приемы в возведении стен [7. Рис. 1], важным основанием для таких выводов могут являться данные казахской этнографии.

П.И. Шульга, лично открывший многие десятки поселений раннего железного века на Алтае, в специальной монографии рассмотрел многие стороны данной темы [9]. Разумеется, будут разные замечания (востребованные для любой серьезной работы) коллег к этой работе, тем не менее книга П.И. Шульги по своей актуальности, важности поставленных задач, объему привлеченного материала, используемым методам и основным выводам является капитальным трудом, не имеющим аналогов в ближайшем (и не только) окружении. Думается, в этой работе не случайно приводится раздел и о культурах Алтая, где автором высказаны мнения об их генезисе. Действительно, объемные поселенческие материалы, возможные на их основе реконструкции различных особенностей самих поселений, устроенных с прекрасным знанием окружающей природы, не создают впечатления о населении, в своей массе прибывшем со стороны, а также о культуре, которая имеет свою уже сложившуюся основу на других территориях.

Многие стороны разработки П.И. Шульги имеют прямое отношение к теме поселений раннего железного века Центрального Казахстана. Помимо фиксации и изучения тех или иных особенностей поселений и жилищ важен сам метод этого исследователя по поиску объектов – на основании природных особенностей каждой конкретной местности и с привлечением данных этнографии, прошедших определенный уровень научной обработки. Именно по такому методу в 2000 г. были начаты поиски поселений на территории Каркаралинского района Карагандинской области. Поиск объектов по местам старых казахских зимовок дал благоприятные результаты. К осени 2015 г. выяснилось, что в восточных районах Центрального Казахстана имеются не менее 50 поселений сакской эпохи. Основная масса объектов открыта автором этой статьи, с участием которого раскопки проводились на 10 объектах.

Помимо восточных районов Центрального Казахстана поселения раннего железного века открыты в Акмолинской области (Кеноткел, Таскора, Таскора-1, М.К. Хабдулина), в правобережном Приртышье (В.К. Мерц), в Жетысу (К.М. Байпаков, А.Н. Марьяшев).

Открытые и изученные на территории восточной части Центрального Казахстана поселения на основании керамики [7. Рис. 2, 1–10], аналогии по памятникам Алтая и Казахстана, а также радиоуглеродных анализов датированы VII–VI вв. до н.э. Ранее на поселении Таскора в Селетинском районе Акмолинской области К.А. Акишевым и М.К. Хабдулиной был найден раннесакский бронзовый черешковый наконечник стрелы. В 2015 г. автором статьи на поселении Керегетас-2 найдена раннесакская бронзовая подпружная пряжка [Там же. Рис. 2, 11]. Из поселения Сарыбуйрат, исследованного автором, происходит бронзовый нож с невыделенным черешком [Там же. Рис. 2, 12].

Отношение поселений к позднему этапу Тасмолы еще предстоит выяснить. Вопрос о периоде VIII в. до н.э., погребальные памятники которого в Тасмоле уже известны, по отношению к поселениям остается открытым.

Автор придерживается мнения о зимнем характере рассматриваемых поселений раннесакского времени востока Казахского мелкосопочника. Вместе с тем обращается внимание на то обстоятельство, что поселения указанного региона не могут быть «стандартом» для других районов, в особенности для Северного Казахстана, Жетысу, Приртышья, на территории которых было больше возможностей ведения комплексного хозяйства [Там же. С. 12–13]. В таких районах могут быть открыты поселения иных типов, на иных топографических точках, прежде всего с относительно интенсивным культурным слоем. Другое дело такие данные памятников, как керамика («ямочно-жемчужная»), которая есть на поселениях северных районов (Кеноткел, Таскора, ряд пунктов в Приртышье), каменные орудия, общая ситуация с применением камня в строительстве стен построек, общие особенности планировки жилищ.

Характерной особенностью поселений раннесакского времени Центрального Казахстана является, наряду с их топографией, своеобразной планировкой и техникой строительства, является малая площадь. В своей массе эти небольшие поселки состоят всего из двух-трех строений. Небольшим поселениям соответствует малая величина могильников, когда в группе насчитывается от 2–3 до 5–10 насыпей. Это отражает расплывчатую, дисперсную систему хозяйствования, чему соответствовала малая община как основная таксономическая единица.

Каменные, каменно-земляные, земляные курганы окружены крепидой из плит, проходящей вплотную у самого основания насыпи и внешней оградой [10]. Новой, ранее не известной деталью в оформлении структуры насыпи является наличие грунтовых блоков, встреченных во многих крупных курганах (рис. 1). Впрочем, по данным исследователей, такие грунтовые блоки, как и пласты дерна, встречены в насыпях курганов раннего железного века многих регионов.

Как показывает современный уровень данных, грунтовые блоки выявлены в курганах, более уверенно датирующихся периодом VII–VI вв. до н.э. Скорее всего, это связано со следующим моментом. Грунтовые блоки – характерный элемент для крупных насыпей высотой от двух и более метров. Именно для таких насыпей применяли земляной грунт вообще, используя комбинации камень + земля (насыпные слои, блоки, дерн). Причем у большинства крупных курганов основу насыпи составляет каменная часть, поверх которой воздвигается земляная. Именно у крупных курганов достаточно четко выделяются крепиды (контрфорс), а также имеются ограды и рвы. Таким образом, мы при-

ходим к выводу о том, что грунтовые блоки в основном характерны для периода VII–VI вв. до н.э., так как

именно в этот период и сооружалось большинство крупных курганов.

Рис. 1. Курган 11 могильника Серкеты-1: 1 – общий вид кургана в ходе раскопок; 2 – фрагмент кладки из грунтовых блоков

Вопрос начала бытования тасмолинской культуры. Тасмолинцы практиковали единовременные, одинарные захоронения под курганами. Нет ни одного достоверного факта наличия коллективных захоронений взрослых, в том числе и многоактных погребений. Исключение могут составить несколько случаев погребения взрослого и ребенка, а также, возможно, парных захоронений мужчины и женщины. Эти случаи зафиксированы на основании находок отдельных частей скелета, в единственном случае – полных скелетов (Карашоки, к. 1 – фрагменты черепов взрослого и ребенка; Талды-2, к. 2 – черепа мужчины и женщины; Бирлик, к. 15 – скелеты двух женщин, возможно, матери и дочери).

В одинарных погребениях население внутренних районов Мелкосопочника, скорее будучи более подверженным традициям кочевого скотоводческого уклада, по-видимому, не располагали много предметов. Курганы ограблены массово. В силу таких причин абсолютное большинство курганов не имеют датирующих предметов инвентаря. Для понимания общей хронологической ситуации Тасмолы большую помощь оказывают радиоуглеродные даты, пусть даже и с учетом известного «гальштата». Так, основная масса курганов дала верхний срез интервалов именно в рамках VI в. до н.э., часто попадая на его середину, вторую половину. В настоящее время выделяется группа памятников, которые относятся к периоду VIII–VII вв. до н.э.: курганы могильников Бақыбулак, Карашоки и др. [7. С. 13–17]. Особую позицию занимают памятники Бақыбулака, по-видимому, содержащего самые ранние на сегодняшний день объекты Тасмолы. Здесь раскопаны курганные погребения и небольшие овалы жертвенники. Радиоуглеродные даты из двух курганов (кк. 14 и 15) [Там же. С. 14, табл. 1] указали на вероятный период VIII в. до н.э. Трасологический анализ бронзовых предметов конского снаряжения из жертвенников Бақыбулака, про-

веденный Е.А. Шаблавиной (Госэрмитаж, Санкт-Петербург), выявил ранний, аржано-черногоровский, метод литья [11]. С.В. Хаврин (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург), изучив состав свыше 50 бронзовых изделий тасмолинской культуры, выделил небольшую группу мышьяковистых бронз. Среди них оказались и эти же предметы из жертвенников Бақыбулака [12]. Наконец, раскопанный в 2015 г. курган 9 могильника Бақыбулак содержал оставленные грабителями 42 бронзовых наконечника стрел. Колчан состоит из четырех типов стрел: втульчатые с шипом и без, втульчатые ромбические с поперечным рельефом, черешковые трехлопастные (рис. 2). На основании материалов Казахстана, Саяно-Алтая, Южного Урала и ряда других регионов колчан может быть датирован VIII в. до н.э.

Как замечено, курганы Бақыбулака относительно небольшие (высота – до 1,55 м), сложены проще на фоне особенностей больших насыпей высотой от 2 до 6 м. Здесь нет больших внешних оград, грунтовых блоков, уплощенные насыпи сложены из камня. Хотя эта ситуация отражает современный уровень данных и еще, может быть, будут открыты элитные курганы этого времени.

Новым элементом обряда оказалось наличие в раннесакских курганах Центрального Казахстана дромосных могил. По состоянию на осень 2015 г. на территории восточных районов Карагандинской области (Каркаралинский, Актогайский, Абайский районы) дромосы зафиксированы всего в 26 курганах, изученных под руководством автора. В это число не вошли три объекта: в одном случае на восточном торце ямы имеется лишь небольшое ступенчатое расширение, в двух других случаях также в восточном конце могильной ямы фиксировались небольшие углубления на верхнем краю стены. Все три могут иметь символическое значение дромоса, а также быть результатом иных действий.

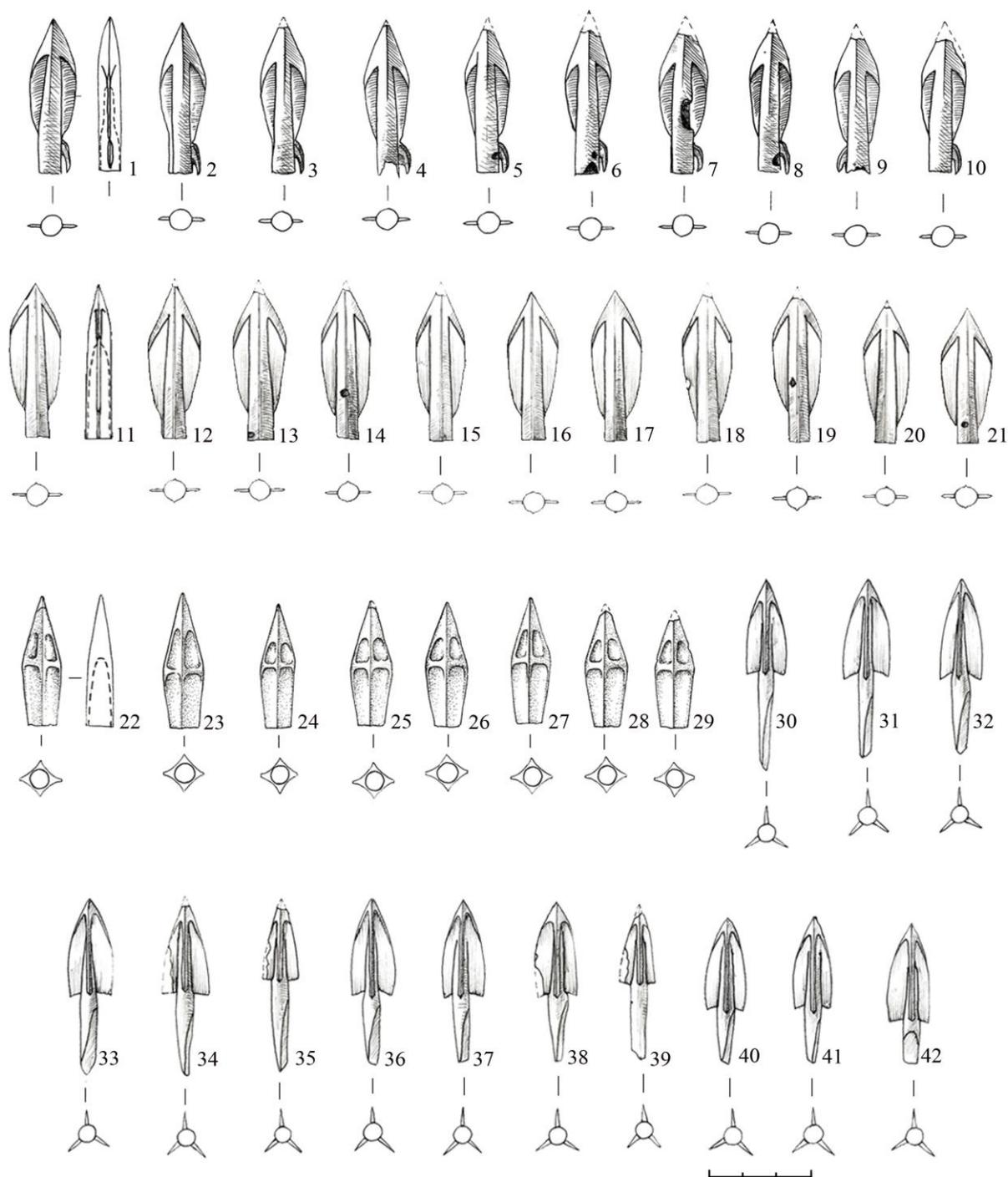

Рис. 2. Бронзовые наконечники стрел из кургана 9 могильника Бақыбулак

Выявленные в могильниках Кособа [13], Акбеит [14. С. 124–125], «Курган 37 воинов» [15], Бақыбулак, Нуркен-2, Карашоқы [7. Рис. 5, 2–4; рис. 8, 1, 2], Талды-2, Серекты-1, Шерубай, кургане с «усами» Назар (рис. 3), а также в целом ряде других памятников дромосы устроены в восточном, юго-восточном, в противоположном к изголовью, конце погребальной камеры и имеют самые разные оформления, что отражается в параметрах, планировке, сечении. Дромосы в некоторых случаях перекрыты бревнами (Талды-2, к. 2),

участки дромосов иногда завалены камнями. В двух курганах могильника Нуркен-2 дромосы имеют стены из крупных вертикальных плит, опущенных на глубину до 0,7 м, вдоль линии дромоса с обеих сторон на материке выложена каменная кладка, перекрывавшаяся плитами и бревнами. Дромосы не являются характерной деталью только больших курганов. Небольшие дромосы имеются и в рядовых курганах. Длина дромосов больших курганов могильника Нуркен-2 достигает 11 (к. 2, высота 6,1 м) и 15 м (к. 1, высота 4,3 м).

В комплексе «Курган 37 воинов» курган 11 имел высоту 0,5 м и диаметр 8 м. Длина дромоса 1 м [15]. Наблюдается типологическая близость дромосов внутри могильников (Талды-2, Нуркен-2, Карашоқы), что, видимо, связано с традициями внутри отдельных родовых групп, оставивших тот или иной некрополь. На данном уровне источников дромосы Центрального Казахстана не могут трактоваться как подхоронительные ходы.

В ряде крупных курганов, в том числе имеющих дромосные могилы, замечено особое устройство перекрытия погребальных камер. Речь идет о тех случаях, когда обычное перекрытие могильной ямы на уровне материка отсутствует, каменная кладка вокруг могилы в своей верхней части переходит в ложный свод или в своего рода пирамидально-ступенчатый потолок того помещения, роль которого играет погребальная камера. Классический вариант этого явления – объемное купольное сооружение в кургане 2 могильника Нуркен-2. Для таких случаев заманчиво видеть в дромосах имитацию входа жилища, обращенного на восток.

Дромосные могилы характерны для саков Восточного Казахстана [16–18], Жетысу [19], Восточного Приаралья [20], а также районов распространения савромато-сарматских культур [21–24]. При этом на западе они появляются не ранее VI в. до н.э.

На данном этапе исследований появление традиции дромосных могил Центрального Казахстана не может быть связано с указанными регионами Казахстана, тем более с какими-то далекими районами Центральной Азии. Это общая черта погребального обряда раннесакского населения востока степной Евразии, уходящая корнями в эпоху поздней бронзы. Для сакской эпохи Казахстана дромосы следует считать местной традицией. Восточнонаправленные тамбуры характерны для мавзолеев Бегазинского могильника, оград бегазы-дандыбаевской культуры в могильнике Сарыколь (рис. 4) в Чингистауских горах, а также они имеются в ряде нераскопанных сооружений эпохи бронзы Центрального Казахстана. В плане почитания восходящего солнца, культа востока в целом к дромосам семантически близки курганы с «усами».

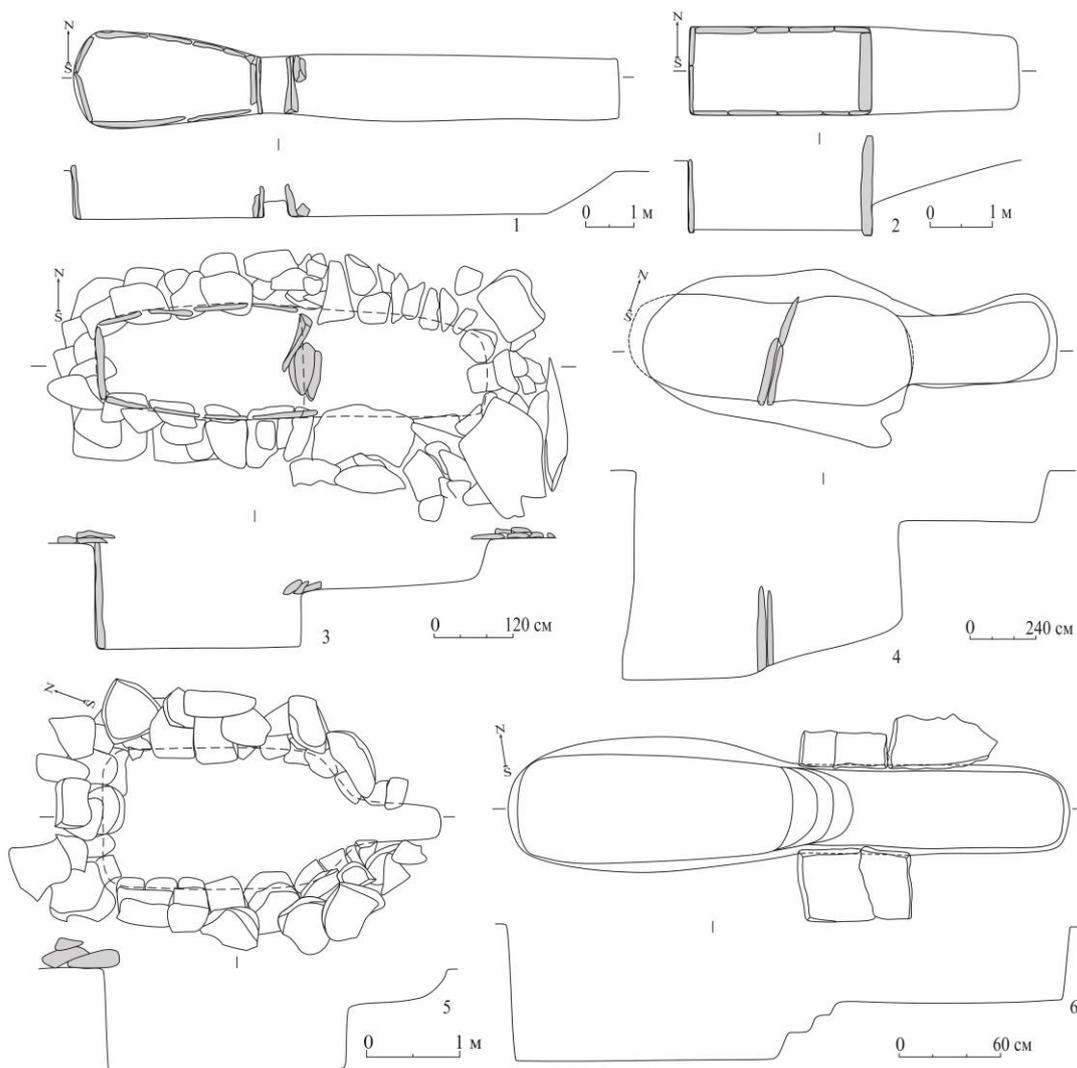

Рис. 3. Типы дромосных могил: 1 – курган 1 могильника Талды-2; 2 – курган с «усами» Назар; 3 – курган 12 могильника Бақыбулак; 4 – курган 10 могильника Серекты-1; 5 – курган 9 могильника Карашоқы; 6 – курган 1 могильника Шерубай

Рис. 4. Ограда 7 могильника Сарыколь. Вид до раскопок

Одной особенностью, появившейся уже на раннем этапе Тасмолы, являются многочисленные околокурганные жертвенники, находимые на территории многих могильников Центрального Казахстана. Как было показано в недавнем специальном сообщении автора [25], они имеют несколько типов в своем исполнении, среди которых наиболее известными являются округло-овальные восьмикаменники и ограды. Находимые в них предметы узды («клады»), по-видимому, связаны с символическим жертвоприношением коня. Также на раннем этапе появляются каменные изваяния. Пять камней найдено в недавних исследованиях автора [26], а вообще, по сведениям специалиста по данной проблеме Л.Н. Ермоленко, в Центральном Казахстане ныне известны 20 изваяний раннего железного века [27]. Близки к каменным изваяниям и стелы (менгиры), найденные в насыпях ряда курганов раннего этапа

(Нуркен-2, Талды-2, Тандайлы-2, к. 2). Изваяния, менгиры раннесакского времени восходят к культовым камням бегазы-дандыбаевской эпохи [28; 29; 30. С. 27–28]. Интересной традицией, бытовавшей уже на раннем этапе Тасмолы, является трепанация черепов. Из 13 случаев один относится к детскому черепу, еще один – к женскому, все остальные трепанации выявлены на черепах мужчин. При этом только в одном случае трепанация является прижизненной – на черепе женщины из к. 25 могильника Бирлик. Сделан вывод о том, что посмертные трепанации делались с целью сохранить тело до момента погребения [7].

Приведенное краткое описание характеризует некоторые главнейшие особенности памятников раннего этапа тасмолинской культуры. По вышеупомянутым аспектам необходимо детальное рассмотрение с публикацией данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С. 303–433.
2. Кадырбаев М.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннего железного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 25–45.
3. Хабдулина М.К. Степное Пришимье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994. 170 с.
4. Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск, 2007. 274 с.
5. Beisenov A. Central Kazakhstan in the system of Early Iron Age Cultures of the Steppe Eurasia // Exchange between the East and the West and Altai. Proceedings of the International Conference. Gachon University. Seongnam. Korea, 2015. P. 189–199.
6. Beisenov A. Monuments of Tasmola culture of Central Kazakhstan : new researches // Ancient cultures of the northern area of China, Mongolia and Baikalian Siberia. Huhhot. 2015. P. 258–266.
7. Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова А.О. Население Центрального Казахстана в I тыс. до н.э. Алматы, 2015. 188 с.

8. Beisenov A. Studies of the Saka settlements in the east part of Central Kazakhstan // Археология Западной Сибири и Алтая : опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015. С. 289–293.
9. Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). Новосибирск, 2015. 336 с.
10. Бейсенов А.З. Погребальные памятники и культово-ритуальные сооружения древних кочевников Центрального Казахстана : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1997. 24 с.
11. Бейсенов А.З., Шаблава Е.А. Особенности литья предметов конского снаряжения тасмолинской культуры // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 4 (36). С. 105–112.
12. Бейсенов А.З., Хаврин С.В. Металлические изделия тасмолинских памятников Центрального Казахстана // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17, № 3 (2). С. 526–531.
13. Бейсенов А.З. Исследование кургана сакского времени с каменным изваянием на могильнике Кособа (Центральный Казахстан) // Древние и средневековые каменные изваяния Центральной Азии. Барнаул, 2014. С. 7–16.
14. Бейсенов А.З. Древние сокровища Сарыарки. На каз., русс., англ. яз. Алматы, 2014. 196 с.
15. Бейсенов А.З. Погребально-поминальный комплекс «Курган 37 воинов» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. Т. 15, № 1. С. 6–12.
16. Черников С.С. Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». М., 1965. 189 с.
17. Толеубаев А.Т. Итоги исследований памятников раннего железного века Тарбагатай и Жетысуйского Алатау // Свидетели тысячелетий : Археология Казахстана за 20 лет (1991–2011). Алматы, 2011. С. 156–174.
18. Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. В поисках следов свернувшейся пантеры : к изучению памятников Маймерской степи // История и археология Семиречья. Алматы, 2011. С. 67–88.
19. Исмагил Р. Сарматское окно в Европу // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара, 1996. Вып. 1. С. 176–211.
20. Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997. 187 с., ил.
21. Смирнов К.Ф. Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос происхождения сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 56–64.
22. Мошкова М.Г., Малашев В.А., Мещеряков Д.В. Дромосные и катакомбные погребения Южного Приуралья савроматского и раннесарматского времени // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Ростов на Дону, 2011. С. 302–317.
23. Мышкин В.Н. Погребальная обрядность социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI–V вв. до н.э. (к проблеме формирования прохоровской культуры) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Ростов на Дону, 2011. С. 318–334.
24. Мышкин В.Н. Типы погребального обряда социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI–V вв. до н.э. // Известия Самарского научного центра Российской Академии Наук. 2013. Т. 15, № 1. С. 219–225.
25. Бейсенов А.З. Околокурганые жертвенники как разновидность памятников тасмолинской культуры // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 4 (36). С. 96–104.
26. Бейсенов А.З., Ермоленко Л.Н. Новые каменные изваяния сакского времени из Сарыарки // Вестник Кемеровского государственного университета. История. 2014. № 3 (59). Т. 3. С. 36–40.
27. Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д. Новые данные о специфической разновидности изваяний сакской эпохи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1 (61). Т. 3. С. 26–32.
28. Ермоленко Л.Н., Касенова А.Д. Вклад А.Х. Маргулана в изучении древней каменной скульптуры Центрального Казахстана // Вестник Кемеровского государственного университета. История. 2014. № 3 (59). Т. 2. С. 20–23.
29. Ярыгин С.А. «Койтасы» Центрального Казахстана эпохи поздней бронзы в контексте формирования раннесакских культур степной Евразии // Археология Казахстана в эпоху независимости : итоги, перспективы. Алматы, 2011. Т. I. С. 408–416.
30. Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы, 2014. 192 с., ил.

Beisenov Arman Z. Institute of Archaeology after A.H. Margulan (Alma-Ata, Kazakhstan). E-mail: azbeisenov@mail.ru

MONUMENTS OF THE EARLY STAGE OF TASMOLA CULTURE.

Keywords: Tasmola culture; settlement; burial ground; dromos graves; stone sculptures.

An important result of the research works on the territory of Central Kazakhstan at the present stage is obtaining data on new burial grounds, opening settlements and stone sculptures. The most striking features of Tasmola culture show through at the early stage, which dates from the VIII–VI centuries BC. A particular category of sources are settlements. Living areas and amenities of small settlements had massive stone bases and were mainly situated in places with little snow on the south, east slopes of the hillsides. These settlements resemble the Kazakh wintering (kystau) much and are archaeological proofs of local population's reaction to the changes in climate in Central Kazakhstan. They depict the commencement of colder climatic conditions, augmentation of rainfall what played an important role in winter period. Small sizes of the burial grounds correspond to small settlements, when the group has from 2–3 to 5–10 embankments. This reflects disperse system of economic life. A small community corresponded to it as the basic taxonomic unit. The availability of ground blocks in the embankments in the burial grounds is represented as new, not previously studied elements. The number stone sculptures of Central Kazakhstan is about 20. New data allows to say that Tasmola culture was formed on the territory of Central Kazakhstan in the course of adaptation of the population to new ecological conditions. It is closely connected with the Saka communities of East, South-east Kazakhstan, Aral areas and North Kazakhstan. 26 burial grounds have dromos graves. Dromos directed to the east, has the length up to 15 m. According to the author, it is a local tradition of the ancient population of Kazakhstan, which is also known by the monuments in East Kazakhstan, Zhetysu, Aral Sea region. The posthumous trepanation of the skull, which was stated in 13 individuals, mostly men, deserves much interest. New materials suggest that Tasmola culture was formed on the territory of Central Kazakhstan in the course of adaptation to changing environmental conditions. It was most closely connected with the Saka communities of the North, East, South-Eastern Kazakhstan (Zhetysu), East Aral Sea region.

REFERENCES

1. Kadyrbaev, M.K. (1966) Pamyatniki tasmolinskoy kul'tury [Monuments of Tasmola Culture]. In: Margulan, A.Kh., Akishev, K.A., Kadyrbaev, M.K. & Orazbaev, A.M. *Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana* [The ancient culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka. pp. 303–433.
2. Kadyrbaev, M.K. (1968) Nekotorye itogi i perspektivy izucheniya arkheologii rannego zheleznoego veka Kazakhstana [Some results and prospects of studying the early Iron Age archeology of Kazakhstan]. In: Kadyrbaev, M.K. (ed.) *Novoe v arkheologii Kazakhstana* [New in archeology of Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka. pp. 25–45.
3. Khabdulina, M.K. (1994) *Stepnoe Prishim'e v epokhu rannego zheleza* [Steppe Prishime in the early Iron Age]. Алматы: Zhilym Rakurs.
4. Tairov, A.D. (2007) *Kochevniki Uralo-Kazakhstanskikh stepey v VII–VI vv. do n.e.* [Nomads of Ural-Kazakhstan steppes in the 7th–6th centuries BC]. Chelyabinsk: South Urals State University.

5. Beisenov, A. (2015) Central Kazakhstan in the system of Early Iron Age Cultures of the Steppe Eurasia. *Exchange between the East and the West and Altai*. Proc. of the International Conference. Gachon University. Seongnam. Korea. pp. 189-199.
6. Beisenov, A. (2015) Monuments of Tasmola culture of Central Kazakhstan: new researches. In: *Ancient cultures of the northern area of China, Mongolia and Baikalian Siberia*. Huhhot. pp. 258-266.
7. Beisenov, A.Z., Ismagulova, A.O., Kitov, E.P. & Kitova, A.O. (2015) *Naselenie Tsentral'nogo Kazakhstana v I tys. do n.e.* [The population of Central Kazakhstan in the I millennium BC]. Almaty.
8. Beisenov, A. (2015) Studies of the Saka settlements in the east part of Central Kazakhstan. *Arkheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy*. Proc. of the Conference. Barnaul. pp. 289-293.
9. Shul'ga, P.I. (2015) *Skotovody Gornogo Altaya v skifskoe vremya (po materialam poseleniy)* [Cattle farmers in Gorny Altai in the Scythian time (based on the settlements)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
10. Beisenov, A.Z. (1997) *Pogrebal'nye pamyatniki i kul'tovo-ritual'nye sooruzheniya drevnikh nomadov Tsentral'nogo Kazakhstana* [Funerary monuments and cult-ritual structures of ancient nomads in Central Kazakhstan]. Abstract of History Cand. Diss. Almaty.
11. Beisenov, A.Z. & Shablavina, E.A. (2015) Features of casting saddlery items in Tasmola culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo Universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(36). pp. 105-112. (In Russian).
12. Beisenov, A.Z. & Khavrin, S.V. (2015) Metalworks Tasmola Monuments of Central Kazakhstan. *Izvestiya Samarskogo Nauchnogo Tsentra Rossiyskoy Akademii Nauk – Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 17/3(2). pp. 526-531. (In Russian).
13. Beisenov, A.Z. (2014) Issledovanie kurgana saksogo vremeni s kamennym izvayaniem na mogil'nike Kosoba (Tsentral'nyy Kazakhstan) [Research of the Saka mound with a stone statue in the cemetery Kosoba (Central Kazakhstan)]. In: Zinko, V.N. (ed.) *Drevnie i srednevekovye izvayaniya Tsentral'noy Azii* [Ancient and medieval stone sculptures of Central Asia]. Barnaul: Altai University. pp. 7-16.
14. Beisenov, A.Z. (2014) *Ancient treasures of Saryarka*. Almaty.
15. Beisenov, A.Z. (2015) Burial and ritual complex “Kurgan 37 warriors”. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya “Sotsial'no-gumanitarnye nauki” – Bulletin of the South Ural State University. Social Sciences and Humanities*. 15(1). pp. 6-12. (In Russian).
16. Chernikov, S.S. (1965) *Zagadka zolotogo kurgana. Gde i kogda zarodilos' “skifskoe iskusstvo”* [Mystery of the Golden Hill. Where and when was Scythian art born]. Moscow: Nauka.
17. Toleubaev, A.T. (2011) Itogi issledovaniy pamyatnikov rannego zheleznoogo veka Tarbagataya i Zhetysuskogo Alatau [Results of research of monuments of early Iron Age Tarbagatai and Zhetysu Alatau]. In: *Svideteli tysyacheletiy: Arkheologiya Kazakhstana za 20 let (1991–2011)* [Witnesses of millennia: Archaeology of Kazakhstan for 20 years (1991–2011)]. Almaty. pp. 156-174.
18. Dzhumabekova, G.S. & Bazarbaeva, G.A. (2011) V poiskakh sledov svernumvsheysya pantery: k izucheniyu pamyatnikov Mayemerskoy stepi [Finding traces of clotted panthers: The study of the Mayemerskaya steppe monuments]. In: Beisenov, A.Z. (ed.) *Istoriya i arkheologiya Semirech'ya* [History and Archaeology of Semirechye]. Almaty. p. 67-88.
19. Ismagil, R. (1996) Sarmatskoe okno v Evropu [The Sarmatian window to Europe]. In: *Voprosy arkheologii Zapadnogo Kazakhstana* [Problems of Archaeology of Western Kazakhstan]. Samara: Dialog. pp. 176-211.
20. Itina, M.A. & Yablonskiy, L.T. (1997) *Saki Nizhney Syrdar'i (po materialam mogil'nika Yuzhnyy Tagisken)* [Saki of the Lower Syrdarya (a case study of South Tagisken burial)]. Moscow: RAS.
21. Smirnov, K.F. (1978) Dromosnye mogily rannikh kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya i vopros proiskhozhdeniya sarmatskikh katakomb [Dromos-type graves of early nomads in the Southern Urals and the origin of Sarmatian catacombs]. In: Kozenkova, V.I., Krasnov, Yu.A. & Rozenfeldt, I.G. (eds) *Voprosy drevney i srednevekovoy arkheologii Vostochnoy Evropy* [Problems of ancient and medieval archeology of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. pp. 56-64.
22. Moshkova, M.G., Malashev, V.A. & Meshcheryakov, D.V. (2011) Dromosnye i katakombnye pogrebeniya Yuzhnogo Priural'ya savromatskogo i rannesarmatskogo vremeni [Dromos and catacomb burials in Southern Urals of Sarmatian and Early Sarmatian time]. In: Matishov, G.G., Yablonskiy, L.T. & Luk'yashko, S.I. (eds) *Pogrebal'nyy obryad rannikh kochevnikov Evrazii* [The funeral rite of the early nomads in Eurasia]. Rostov na Donu: RAS. pp. 302-317.
23. Myshkin, V.N. (2011) Pogrebal'naya obryadnost' sotsial'noy elity kochevnikov Samara-Ural'skogo regiona v VI–V vv. do n.e. (k probleme formirovaniya prokhorovskoy kul'tury) [The funeral rites of nomadic social elite in Samara-Urals region in the 6th-5th centuries BC. (on formation of the Prokhorov culture)]. In: Matishov, G.G., Yablonskiy, L.T. & Luk'yashko, S.I. (eds) *Pogrebal'nyy obryad rannikh kochevnikov Evrazii* [The funeral rite of the early nomads in Eurasia]. Rostov na Donu: RAS. pp. 318-334.
24. Myshkin, V.N. (2013) Types of burial rite of the social elite of nomads Samara-Ural region in 6th – 5th centuries B.C. *Izvestiya Samarskogo Nauchnogo Tsentra Rossiyskoy Akademii Nauk – Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 15(1). pp. 219-225. (In Russian).
25. Beisenov, A.Z. (2015) Sacrificial constructions near kurgans as types of Tasmola culture monuments. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo Universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(36). pp. 96-104. (In Russian).
26. Beisenov, A.Z. & Ermolenko, L.N. (2014) New stone statues of the Saka period from Saryarka. *Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istoriya – Bulletin of Kemerovo State University. History*. 3/3 (59). pp. 36-40. (In Russian).
27. Ermolenko, L.N., Kurmankulov, Zh.K. & Kasenova, A.D. (2015) New data on a specific kind of Saka period statues. *Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istoriya – Bulletin of Kemerovo State University. History*. 1/3 (61). pp. 26-32. (In Russian).
28. Ermolenko, L.N. & Kasenova, A.D. (2014) Margulan's contribution to the research of ancient stone sculpture of central Kazakhstan. *Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istoriya – Bulletin of Kemerovo State University. History*. 3/2(59). pp. 20-23. (In Russian).
29. Yarygin, S.A. (2011) [“Koytasy” of Central Kazakhstan in the Late Bronze Age during formation of the Early-Saka cultures of Eurasian steppe]. *Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy* [Archeology in the era of Kazakhstan independence: Results and prospects]. Proc. of the Conference. Almaty. pp. 408-416. (In Russian).
30. Beisenov, A.Z., Varfolomeev, V.V. & Kasenalin, A.E. (2014) *Pamyatniki begazy-dandybaevskoy kul'tury Tsentral'nogo Kazakhstana* [Monuments of Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan]. Almaty.